

А еще христиане придумали Инквизицию...

I.

Фраза, вынесенная в заголовок статьи, входит в “аптечку атеиста” и считается довольно сильным аргументом у любителей “позлить христиан”. Отмахнуться от вопроса в стиле “это проблемы католиков” не удастся, поскольку обычный человек не видит особой разницы между христианскими конфессиями. К тому же, достаточно начитанный собеседник может напомнить о некоторых эпизодах русской истории, заставляющих вспомнить о методах инквизиторов.

Благодаря “трудам” некоторых популяризаторов атеизма мне приходилось сталкиваться с вопросом об Инквизиции (далее — И.) даже в школе, в беседах с учениками старших классов, так что нет причин сомневаться в актуальности данной темы.

Однако эта статья посвящена скорее не апологии, а рефлексии, попытке самому себе ответить на вопрос, что такое Инквизиция как явление, чем обусловлено ее возникновение, какие нравственные выводы мы можем сделать из событий, связанных с И..

На мой взгляд вся эта тема непосредственно связана с вопросом об отношении чистоты учения к спасению души. Логика проста: если любое искажение ортодоксального христианского учения грозит вечной мукой тому, кто его усвоил, ересеучитель является “массовым убийцей душ”, и его необходимо остановить.

Поскольку речь идет о вечности, ставки чрезвычайно высоки. Дождаться покаяния от уверенного в своей правоте еретика бесполезно и опасно. “Покаяние” лжеучителя может быть притворным, и, оказавшись на свободе, еретик вполне может приняться за старое. Отсюда следует логичный вывод: еретика лучше всего просто уничтожить, причем максимально показательным способом.

Кажется, для Запада с его склонностью к юридиксму и рационализму переход к казням еретиков был практически неизбежным.

II.

Исторически появление Инквизиции связано с распространением ересей кафаров и вальденсов. Первые достаточно далеко ушли от традиционного христианства, заимствовав элементы учения у гностиков (вплоть до представлений о существовании доброго и злого богов). Вальденсы же были “первыми ласточками” протестантизма и отличались подчеркнуто серьезным отношением к Священному Писанию. Обе группы объединяло повышенное внимание к нравственному облику своих учителей и отвержением официальной церковной иерархии.

По мнению некоторых исследователей именно реформа, затеянная папой Григорием V и направленная на исправление недостатков в церковной жизни, привела к тому, что многие верующие перестали ограничивать свое участие в жизни Ц. только обрядовой стороной и стали уделять пристальное внимание христианской этике. При этом жизнь духовенства и монашества в X-XI веке,

к сожалению, не соответствовала Евангельским нормам, что приводило к разочарованию многих мирян в католичестве. В этот момент на сцену выходят проповедники неортодоксальных взглядов, жизнь которых была внешне безупречной. Так кафарские perfecti принимали обет безбрачия, отрекались от имущества, кроме самого необходимого, вели страннический образ жизни.

Папские отлучения, постановления соборов, попытки епископов справиться с распространением ереси своими силами, даже двадцатилетняя военная кампания, направленная на подавление сопротивления еретиков в Южной Франции, не принесли желаемых результатов (а крепость Каркассон и вовсе не была взята). Причиной неудачи были, судя по всему, особенности жизни кафарских общин. Военное поражение кафаров не означало распада “горизонтальных связей” общины: семейные, дружеские связи были основой для распространения и сохранения этого учения.

Другим важнейшим фактором, как уже говорилось, была недостойная жизнь клириков и монашествующих. Об этом свидетельствуют многие источники, в том числе протоколы допросов лиц, обвиняемых в ереси. Положение стало исправляться с появлением “нищенствующих орденов”, — францисканского и доминиканского. Кроме подражания Евангельским образцам нестяжания и благотворительности, многие монахи стали странствующими проповедниками, убеждавшими крестьян вернуться к традиционному христианству.

Впрочем, их действия не ограничились только проповедью. Именно доминиканцы стали инициаторами многих процессов над еретиками, занимались расследованием “горизонтальных связей” и выявлением ересеучителей, кафарских “совершенных”.

Методы инквизиторов были довольно успешны. В течение небольшого времени им удалось серьезно ослабить кафаров и вальденсов. Опасность превращения юга Европы в нехристианский анклав была устранена.

Итак, можно сказать, что с точки зрения последовательного сторонника “необходимого догматизма”, цели и методы И. — абсолютно оправданы и действенны. Поэтому в последнее время, когда я слышу высказывания в духе христианского фундаментализма, обычно задаю вопрос: Вы согласны с необходимостью казни еретиков? Чаще всего ответом является либо молчание, либо попытки уйти от ответа. К счастью, сегодня огромное большинство клириков и мирян уже не готово идти до конца в своем догматизме. Еще несколько веков назад дело обстояло иначе.

III.

Как известно, в XV веке спор иосифлян с нестяжателями касался не только монастырского землевладения, но и методов борьбы с ересью жидовствующих. Так, отстаивая необходимость “предания еретиков градским властям” автор “Просветителя”, Иосиф Волоцкий, приводит в пример св. Льва Катанского, который согласно житию для демонстрации истинности своей веры взял еретика за руку и вошел вместе с ним в огонь костра. При этом сам святитель остался невредим, а еретик сгорел. В этом эпизоде Иосиф Волоцкий видел подтверждение

правильности своей позиции: еретиков, даже покаявшихся, следует сжигать.

На это в заочной полемике ему возражают “заволжские старцы”, которые усомнились в правомерности такого примера: “когда ты сам совершишь то же, что Лев Катанский, тогда и будешь рассуждать о предании еретиков огню”.

Этот эпизод выглядел бы занятным примером эпистолярного красноречия, если бы один из авторов послания, инок Вассиан Патрикеев, не находился в это время в заключении, из которого вскоре отправился на костер.

При этом сколько угодно можно рассуждать о политической подоплеке произошедших казней, но официальным обвинением казненных (выдвигавшимся впоследствии и против прпп. Максима Грека, Дионисия Радонежского) было обвинение в ереси, а потому все совершившееся следует рассматривать как следствие необходимого догматизма “презлых иосифлян”.

IV.

Все вышесказанное не означает, что сегодня мы должны равнодушно относиться к вопросам исповедания веры. Речь о методах, которые мы используем, оставляя свою правоту. Не является ли обращение к грубой силе свидетельством слабости позиции? В нашем распоряжении есть сила слова. Евангельская истина, звучащая из уст благочестивого проповедника — сильнее пушек и Инквизиции. Если мы не верим в это, какие из нас христиане?

Следует ли вообще принимать помощь гражданских властей, желающих помочь Церкви в ее борьбе за чистоту веры? Возможно, этот вопрос вскоре станет бессмысленным, но я все же попробую порассуждать на эту тему.

Какими соображениями руководствуется власть, предоставляющая такую помощь? На какой ответ Церкви она рассчитывает? Не влечет ли эта помощь за собой требование лояльности ко всему, что предпринимает эта самая власть, и, таким образом, к утрате Церковью доверия, авторитета у людей?

Наследие иосифлянства и вообще цезарепапизма постоянно ставит нашу веру в положение служанки государства.

Кратко изложим аргументы против преследования по религиозному признаку:

1. Такие преследования противоречат учению Евангелия о любви к ближнему
2. Святоотеческая традиция знает примеры разного отношения к заблуждающимся.
3. Они противоречат общепринятому представлению о свободе совести, как неотъемлемому праву человека.
4. Изменение сознания. Я считаю, что религиозное сознание человечества в целом меняется, и меняется оно в соответствии с нашим мироощущением. Вероятно, наша вера слабее, мы менее ревностны, чем те же доминиканцы, которые вполне искренне считали, что поскольку они ведут войну за души кафаров с самим дьяволом, в этой борьбе все средства хороши.

Сегодня мы более чутко относимся к человеческим страданиям (особенно после ужасов второй мировой и холокоста). Почему ценой спасения одних должна быть смерть или жестокие страдания других?

5. Трагичность И. в том, что слабость жизни духовенства сделала необходимой применение самых радикальных мер для того, чтобы вернуть разочарованную паству к христианству.
6. Неспособность убедить. Проигранный поединок умов ведет к реваншу с помощью грубой силы.

IV.

Основной мотивацией христианина должен стать не страх геенны огненной, а любовь и доверие к Богу. Мы не можем брать на себя осуществление Промысла Божия. Именно в этом нас обвиняют критики христианства. Необходимо направить усилия на исправление себя и Церкви, в той мере, в какой нам это дано.

Закончу эту статью тем, что мы приближаемся к опасной границе, когда недовольство верующих людей (как воцерковленных, так и стоящих на пороге Церкви) духовенством, недостатки в области религиозного образования, миссионерства, организации жизни общин приведет к тому, что Православие в нашей стране может уйти в прошлое.

Перефразируя цитату из известного кинофильма: “Вы иеговистов видите? ... А они есть!”.

-
- Использование насилия означает неспособность переубедить (в том числе личной жизнью).
 - Ответы: а) Не так много жертв (Кураев) б) Ц. непосредственно не участвовала в казнях. Предание “градским властям”. в) гипотеза религиозного прогресса. Никто из студентов семинарии еще не одобрил сожжение еретиков.

Необходимость High moral ground.

Полемика Иосифа с нестяжателями.

“Вы иеговистов видите? ... А они есть!”